

ТРАЕКТОРИЯ СОСТРАДАНИЯ

Давно уже отшумели страсти и волнения по поводу романа Гюнтера Грасса «Траектория краба». И даже стихает скандал, связанный с его именем и новым романом «Beim Häuten der Zwiebel» («Очищая луковицу», или «Луковица воспоминаний», как обозначил эту метафору Борис Хлебников, германист и переводчик Грасса), а мысли нобелевского лауреата продолжают оставаться для нас важными и интересными.

Александр Мелихов снова обращается к «Траектории краба», предупреждая, однако, что воздержится «от разбора полностью отсутствующих художественных достоинств» романа – на нет, как говорится, и суда нет – и начинает выделять очень интересную публицистическую схему, «почти аллегорию, которая была бы даже способна сделать произведение значительным». Напомним – это при полном-то отсутствии художественных достоинств. Мелихов, будем справедливы, тут же объясняет своё строгое суждение – «плотность художественных находок на единицу заметно ниже предельно допустимой концентрации».

К слову, ужасно хочется здесь отвлечься и установить эту самую *предельно допустимую концентрацию*, или норму художественных находок, это же сулит решительный переворот в серьёзном литературоведении вообще и в придирчивой критике, в частности.

Однако продолжим и обратимся к схеме Гюнтера Грасса, которую нет никакой необходимости снова пересказывать. Это уже сделано в статье «Траектория покаяния». Собственно, даже не к этой схеме-аллегии, а к выводам, которые делает на основании её рассмотрения Александр Мелихов: «Трудно и даже почти невозможно применять угловную статью о разжигании межнациональной розни, ибо для этого самого разжигания вполне достаточно рассказывать народам правду об их совместной истории». Действительно, на первый взгляд, всё правильно. Своя рубашка ближе к телу, «люди всегда будут принимать ближе к сердцу свои, а не чужие страдания».

Да, это так, но какое-то сомнение или смущение закрадывается в...ну, куда они обычно закрадываются...ну, пусть – в душу. Из этой мысли никакого продолжения не следует, а хочется...Ведь что-то делать всё-таки надо. Однако Александр Мелихов здесь останавливается и заканчивает свою статью такими словами: «...требовать от нашководивших народов какого-то более глубокого покаяния означает лишь возбуждать в них сначала раздражение, а затем уже и открытую злобу». Да, так бывает. Толкают в спину злого мальчишку: «А ну извинись перед бабушкой!», – а он упирается и ни в какую, да еще и ведёрком на старушку замахнётся. А другого никто не толкает, но он сам просит прощения и плачет: «Прости меня, прости, не знаю, что на меня нашло... прости, я сделал тебе больно...» Причём эти мальчишки могут быть из одной семьи, то есть они братья и воспитывались родителями, казалось бы, совершенно одинаково. И остаётся согласиться с Мелиховым, и развести руками, и признать принципиальную загадочность человеческой природы, подверженной всяческим светлым «грёзам», с одной стороны, и злостному, мстительному расчёсыванию затянувшихся ран – с другой.

Но... не получается согласиться, что-то смущает меня.

Александр Мелихов представляет народ таким единым огромным существом, агрессивным подростком, непредсказуемым и ужасным, склонным к неконтролируемому раздражению и злобе. Поаккуратнее надо с ним.

И ещё вот такой у меня вопрос: может быть, Александр Мелихов знает какие-нибудь не нашководившие народы? Чур, не упоминать продрогших эскимосов – у них руки коротки, и вообще – замёрзли, хотя и за ними, думаю, кой-какие грешки тоже водятся.

К чему это я клоню? А вот к чему.

Покаяние, ответственность, стыд за свою жестокость и трусость и даже стыд за грехи другого возникают в душе каждого отдельного человека не по требованию, а просто возникают...и всё.

«Так они и возникнут сами собой, держи карман», – усмехается скептик. А вот представьте – возникают. Ну, не совсем сами собой...

Несколько лет назад в Мюнхене, в городском музее на площади Якобсплац проходила выставка «Преступления вермахта». Очередь на выставку начиналась где-то на середине площади и тянулась, извиваясь, как это принято у всякой очереди, ко входу в музей. Редко в Мюнхене случаются такие длинные очереди. Но ничего не поделаешь, пришлось и мне постоять, и, чтобы скоротать время, я начала разглядывать соседей. Первое, что бросилось в глаза, – молодые лица, очень мало было пожилых людей, а второе – удивительное молчание. И в залах, по которым потом эти молодые люди бродили, поразила полная и сосредоточенная тишина. И ещё – лица у них, у этих немецких мальчиков и девочек, были особенные, как бы это сказать – думающие и...подавленные. Призывал ли кто-нибудь их к какому-то глубокому покаянию за преступления национал-социализма? Ведь это были уже внуки и правнуки. И тем не менее... Им просто предлагали думать. Им предлагали смотреть короткие фильмы о том, что делали солдаты вермахта и СС в оккупированных странах, им показывали письма, личные письма этих солдат на родину, в Германию, и были в этих письмах фотографии улыбающихся арийцев на фоне виселиц и мёртвых тел во рвах, а были слова ужаса о бесчеловечных приказах, которые приходилось выполнять. Не знаю уж, правда ли это, но мой учитель немецкого рассказывал, что в современном уставе бундесвера есть запрет на выполнение приказа, если подчинённый считает его бесчеловечным, это после Нюрнбергского процесса якобы ввели, когда нацистские преступники пытались оправдаться тем, что они просто выполняли приказ. Я с недоверием посмотрела на этого старого немца, я ему не поверила – как может солдат решить, правильный приказ или нет, – но то, что этот старый человек сам в такое верит, тоже о чём-то говорит.

В Германии есть неонацисты, время от времени проходят бурные дебаты, что с ними делать: запрещать или разрешать, находятся сторонники у той и другой позиции. Но ни разу я не слышала, что бы кто-то с экрана телевизора пытался их оправдать или как-то объяснить их поведение – слишком часто напоминают в прессе, какую цену заплатило человечество и сами немцы за годы нацизма.

Можно ли представить, чтобы по улицам немецких городов прошёл «немецкий марш», подобный тому, что только что прошёл, под названием «русский марш», по некоторым городам России? Нет, это абсолютно невозможно.

Да, шествия неонацистов разрешены, но... без свастик, без лозунгов, без этих фашистских вскидываний рук. Пришлось случайно наблюдать такое шествие. Неонацисты в количестве приблизительно пятидесяти, ну, может быть, семидесяти человек в чёрных (по-видимому, насчёт цвета одежды не нашлось в законодательстве никакого указания) рубашечках шли неровной колонной по улице Линдвурмштрассе в Мюнхене и, как мне показалось, чувствовали себя очень неуверенно. Их точно было не более ста человек, но зато вдоль всех улиц, по которым шли эти чернорубашечники, выстроились тысячи немцев, и никто их сюда не сгонял, тысячи, тысячи немцев кричали: «Наци – раус!!!», т. е. наци – вон!

Да, неонацисты имеют свои сайты в Интернете, но многие журналисты считают, что это не так уж страшно, это даёт возможность за ними наблюдать и купировать их пропаганду новыми инъекциями, которыми являются и такие выставки и, между прочим, романы Гюнтера Грасса. Разоблачает ли Грасс сладенькую сказку «немцы покаялись»? Думаю, что такая постановка вопроса некорректна. Так же, как некорректно представлять весь народ рассерженным мстительным подростком. Какие-то немцы искренне покаялись, причём в душе, и даже ничего нам не сказали, а другие просто не хотят об этом думать, а третьи вспоминают гибель «Вильгельма Густлова» с тонущими детьми и ранеными, но оправдывают Маринеско: «...ведь была война, а корабль шёл, хоть и ярко освещённый, но под свастикой, а Маринеско патрулировал этот участок», а четвёртые рассказывают, округлив глаза, что в немецких городках, в которые вошла Советская армия, не осталось ни одной изнасилованной девушки. (А вот я слышала рассказ моего родственника Николая Васильевича Коначёнка, который прошёл всю войну до самого Берлина, – там, в Берлине, девушки-связистки из их части носились по газону, смеялись, как безумные, – победа, победа! – и рвали дивные майские цветы; на них стал кричать старый немец, потрясая палкой, девушки повалили его на газон и написали ему на лысину – так потом был суд, их сильно наказали: как посмели унижить старого человека? – вот так, и куда-то сослали, а ведь тоже всю войну прошли – дуры, одно слово...)

Следующим шагом после покаяния, по мнению Александра Мелихова, является самооправдание: «да, мол, мы наделали ужасных вещей, но это была ужасная ошибка, в которую нас вовлекли ужасные люди». Но ведь не у всех же самооправдание. Вот очень пожилая, чтобы не сказать — старая, но очень ещё крепкая немка рыщет по всей Германии, находит по дешёвке какую-то одежду, инвалидные кресла, медицинские специальные кровати и что-то ещё, необходимое старикам в российской провинции, везет всё это за свой счёт через все кордоны и зверскую нашу таможеню, которая подозрительно изучает её груз и требует ещё каких-то доплат. Совсем старый немец, о котором я уже говорила, помогает абсолютно бескорыстно нашим эмигрантам, учит их немецкому, составляет письма, ходит с ними в качестве переводчика по всяким чиновникам. Детей, облучённых Чернобылем, каждое лето принимают немецкие семьи. Говорят ли эти люди, что хотят загладить вину? Нет, конечно. Так же, как ничего не говорила о сострадании еврейская девочка, которая отдавала в послевоенной Москве пленным немцам свой школьный завтрак. Она и слова такого не знала.

И последний вопрос. Надо ли всё-таки рассказывать «народам правду об их совместной истории»? Должны ли они обладать, так сказать, всей полнотой информации? За народы не скажу, народ остаётся для меня, в значительной мере, категорией мифической, но человек с душой, сострадающей другому человеку, и с умом, способным к анализу, имеет право на правду. Остаётся совершеннейший пустяк — научиться развивать человеческую душу и приучать ум к эффективной работе.